

Эфир на мгновение завис, прежде чем донёлся нерешительный голос ведущей:

— Организаторы объясняют случившееся так: судя по всему, в Призрачном доме в сосновом бору сработал артефакт обращения времени. Всё пространство вернулось на три года назад, когда здание ещё занимала школа. Сейчас память участников, скорее всего, полностью стёрта. Они считают себя обычными людьми и ведут себя соответственно.

— Игрокам придётся пережить то, что происходило в стенах этой школы в прошлом, — её голос заметно дрогнул. — Выбраться наружу удастся лишь в том случае, если кто-то из них сумеет разбить серебряную чашу обратного хода. Сейчас персонал проекта не может проникнуть внутрь Призрачного дома. Все участники уверены, что они обычные школьники. И если они погибнут во время паранормальных явлений... они умрут по-настоящему.

Нань Цзин направился к парню, который увлечённо махал ему рукой. В душе шевелилось смутное беспокойство. Что-то во всём этом казалось неправильным, но что именно — понять не получалось. Словно в его старшей школе вообще не должно было быть друзей. И уж тем более... парня?

Однако память упрямо твердила обратное: этого общительного юношу зовут Мяо Цзиньли, он его близкий друг, а сам Нань Цзин действительно встречается с Бай Гуаньинем.

Нань Цзин подошёл ближе. Мяо Цзиньли бесцеремонно закинул руку ему на плечи:

— Эй, слышал новости? Завтра после уроков ребята собираются в клубе вызывать карандашного духа. Говорят, у него можно спросить вообще всё что угодно: хоть результаты экзаменов, хоть суженого.

Мяо Цзиньли убрал руку, сложил ладони за головой и, весело шагая задом наперёд, подмигнул другу:

— Цзин, неужели тебе не хочется узнать, поженитесь вы с Бай Гуаньинем или нет? Хотя я и так уверен, что да! Ха-ха-ха!

Полдневное солнце нещадно палило. Ослеплённый резким бликом, Нань Цзин на секунду зажмурился.

Мяо Цзиньли резко затормозил и нахмурился. Сине-белая олимпийка сидела на нём мешковато, но казалась слишком короткой. Заметив потерянный взгляд друга, он шагнул вперёд. Штанины форменных брюк задралась, обнажив тонкие, сухие щиколотки.

Мяо Цзиньли схватил Нань Цзина за руку. Заметив на белой коже багровые кровоподтёки, он сквозь зубы процедил:

— Твою мать!

— Этот ублюдок Нань Хунсюань опять распустил руки?! — вскипел Мяо Цзиньли. — Ну всё, я его точно придушу!

При упоминании этого имени Нань Цзин замер. В памяти, словно прорвав плотину, замелькали картины прошлого. Они с Нань Хунсюанем были единоутробными братьями, но в семье Нань их положение отличалось как небо и земля.

Мать Нань была его родной матерью. Но чтобы выслужиться перед мужем, отчимом Нань Цзина, она из кожи вон лезла, потакая каждому капризу Нань Хунсюаня. Младшему брату покупали импортные сладости за бешеные деньги, а маленький Нань Цзин мог лишь молча глотать слюнки, глядя на чужое лакомство.

Когда Нань Хунсюань готовился к экзаменам, ему специально выписывали с юга свежайшую птицу для наваристых бульонов. Переваренное мясо безжалостно выбрасывали в помойку — Нань Цзину не давали ни кусочка. Младший пил ароматный бульон вприкуску со сливочной пастой и сочными стейками. Нань Цзину тоже предстояли экзамены, но повара были слишком заняты «особым» меню господина Хунсюаня. На завтрак старшему сыну доставалась лишь сухая корка хлеба. Карманных денег на еду ему, разумеется, никто не давал.

Нань Цзин деланно пытался казаться невидимкой, не мозолить глаза отчиму и брату. На оплату школы он зарабатывал сам — развозил по утрам молоко, подрабатывал в кондитерской. Но даже эта незаметность не спасала его от изощрённой жестокости Нань Хунсюаня.

Стоило младшему брату оказаться в дурном расположении духа, как в Нань Цзина летело всё, что попадалось под руку. Однажды Хунсюань швырнул в него стакан с кипятком. Вода обожгла кожу до волдырей, а тяжёлое стекло оставило на теле глубокие лиловые гематомы. Если Нань Цзин пытался защищаться, прислуга тут же заламывала ему руки, прижимая к полу.

Если же до отчима доходили слухи о сопротивлении, он наказывал не пасынка, а его мать. Прямо на глазах у мальчика отец Нань швырял в женщину тяжёлые фарфоровые пиалы. Одна за другой они разбивались о её ноги, оставляя кровоточащие порезы и уродливые ссадины.

Чтобы сбежать из этого ада, Нань Цзин выбил себе место в школьном общежитии. Но вчера были выходные, и ему пришлось заглянуть домой. Новые синяки на руках говорили сами за себя — Нань Хунсюань опять порезвился.

Нань Цзин опустил глаза. В груди нарастала глухая, удушливая ярость пополам со старой обидой. Он не мог понять: почему родная мать, которая должна была защищать его, в детстве даже не подходила к его кровати, когда он срывал голос от плача и просил пить? Почему, желая угодить выродку Нань Хунсюаню, она послушно брала тяжёлую линейку и до крови избивала своего пятилетнего сына по рукам, заставляя его заходиться в рыданиях?

Но самая жгучая ненависть предназначалась Нань Хунсюаню. Тот сходил с ума от зависти из-за отношений Нань Цзина с Бай Гуаньинем. Напрямую тронуть его в школе брат не решался, а потому отыгрывался дома, выдумывая всё новые издевательства.

Взглянув на три отчётливые багровые полосы на предплечье друга, Мяо Цзиньли окончательно потерял самообладание. Он развернулся и решительно зашагал обратно к учебному корпусу, намереваясь лично проучить мерзавца.

Нань Цзин поймал его за рукав:

— Погоди.

Мяо Цзиньли резко затормозил:

— Цзин! Ты опять собираешься терпеть этот беспредел?!

Дело было не в терпении. Просто Нань Цзину нужно было собраться с мыслями. Вокруг происходило что-то странное, неестественное.

Увидев бледное лицо друга, обрамлённое мягкими чёрными прядями, и его застывшие, похожие на стеклянные бусины светлые глаза, Мяо Цзиньли немного остыл.

— Твоя правда, — буркнул он. — Обычной трёпкой тут горю не поможешь. Нужно действовать тоньше, раз и навсегда.

В глубине глаз этого едва перешагнувшего порог совершеннолетия парня на миг промелькнула холодная, змеиная жестокость. Но стоило ему посмотреть на Нань Цзина, как этот взгляд вновь стал чистым и безмятежным.

Тёплый ветер шевелил волосы Нань Цзина. Стоя посреди коридора, он вдруг подумал:

«И почему я до сих пор не зарезал эту семейку?»

С его-то характером сносить подобные унижения годами было просто невыносимо. Если уж ярость переполняет край, не проще ли разом избавить мир от этих троих?

Но у него словно не было веской причины для убийства. Ведь впереди маячили выпускные экзамены, планы на университет... Они с Бай Гуаньинем хотели поступить в один вуз. Вот только оценки Нань Цзина оставляли желать лучшего, поэтому Бай Гуаньинь постоянно затаскивал его в класс скульптуры, чтобы подтянуть по предметам.

Нань Цзин мысленно хмыкнул. Его не покидало ощущение фальши. Дополнительные занятия? Да не стал бы он тратить на это время. Ну не даётся учёба — и чёрт с ней. На кусок хлеба всегда можно заработать честным трудом. Простая, размеренная жизнь привлекала его куда больше заоблачных амбиций.

А все эти зубрёжки только нагоняли лишнюю тоску.

Мяо Цзиньли заговорщически прищурился и, потянув друга за собой по коридору, оживлённо зашептал:

— Решено! Сегодня же ночью идём вызывать этого духа. Спросим у него, когда ты наконец избавишься от своей семейки. А на школьном фестивале я поговорю с Бай Гуаньинем. Мы обязаны придумать, как проучить твоего братца, чтобы он за версту тебя обходил!

— В конце концов, мы просто обязаны проверить все шесть школьных страшилок до выпуска!

Не успели они сделать и пары шагов, как сзади раздался оклик:

— Нань Цзин! Мяо Цзиньли!

Голос был приторным, манерным до тошноты. Нань Цзин обернулся. К ним приближался парень, с ног до головы увешанный брендовыми аксессуарами — типичный «золотой мальчик», тщательно выстраивающий образ утончённого красавца. Это был Нань Хунсюань.

Хунсюань смерил Нань Цзина злобным взглядом. Простой, аккуратный вид старшего брата всегда выводил его из себя. В голове завертелись слова отца, сказанные перед уходом в школу: семейный бизнес трещит по швам, если срочно не найти инвесторов, их ждёт банкротство.

И во всём виноват этот нищелюб! Впрочем, в Нань Цзине течёт та же кровь, а значит, он обязан принести пользу семье. Если этот придурок поможет наладить контакт с Бай Гуаньинем, его никчёмное существование наконец-то оправдает себя.

А дальше... Нань Хунсюань лениво подумал, что всё будет зависеть от его милости. Захочет — заберёт брата с собой, когда разобьёт серебряную чашу обратного хода, а не захочет — оставит гнить здесь.

Нань Хунсюань деланно кашлянул и небрежным жестом поправил безупречно уложенную причёску:

— Вы что, в класс скульптуры собрались, к Бай Гуаньиню?

«Вот же кретин», — мысленно выругался Нань Цзин.

Мяо Цзиньли кривляться не стал. Вытянувшись во все свои без малого сто восемьдесят сантиметров, он демонстративно скрестил руки на груди, с усмешкой наблюдая за этим дешёвым спектаклем.

В глазах Нань Хунсюаня вспыхнула ярость. Опять этот взгляд! Точно так же на него смотрел Юй Аньянь. В реальном мире Хунсюань был восходящей звездой экрана, но почему-то все эти мужчины упрямо пялились на жалкого Нань Цзина. Что в нём вообще примечательного? Обычный серый школьник!

Сгорая от досады, Нань Хунсюань шагнул вперёд, собираясь процедить сквозь зубы очередную угрозу.

В этот момент мимо проходили двое старшеклассников, тащившие огромный бак с отходами. Заметив назревающую ссору, они принялись перешёптываться:

— Гляди, этого педика Нань Цзина опять прижали.

— Так ему и надо. Нищий, тупой, да ещё и по парням. Тошно смотреть.

Нань Цзин медленно повернул к ним голову. В следующую секунду он резко развернулся и с силой впечатал подошву в бок бака.

Полутораметровый пластиковый контейнер взмыл в воздух и с грохотом обрушился прямо на Нань Хунсюаня. По коридору растёкся зловонный поток помоев. Вся правая половина тела «золотого мальчика» оказалась залита липкой гнилью, а к его брендовой куртке прилипла серая банановая кожура. Вязкая смесь летних нечистот намертво въелась в его дорогую одежду, превращая самого Хунсюаня в кучу зловонного мусора.

Дежурные с вытаращенными глазами застыли на месте. Убирать весь этот кошмар теперь придётся им. От осознания масштаба трагедии парни едва не разрыдались.

Поваленный на лопатки Нань Хунсюань несколько секунд тупо созерцал облепившие его отбросы. Осознание реальности накрыло его внезапно — он забился в истерике и оглушительно завизжал на весь этаж.

Раздались издевательские аплодисменты.

Стоявший рядом Мяо Цзиньли широко оскалился. Он с ухмылкой покачал головой и показал другу большой палец:

— Красава, Цзин! Это было чертовски круто!

Нань Цзин лишь слегка приподнял уголки губ.

<http://bllate.org/book/19041/1964006>